

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

В Париже
накануне революции
1848 года Анна
пытается раскрыть
тайну своего
происхождения...

Елена ГОРДИНА

Горгульи Нотр-Дама



Артефакт & Детектив

Елена Гордина

Горгульи Нотр-Дама

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гордина Е.

Горгульи Нотр-Дама / Е. Гордина — «Эксмо»,
2020 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-04-111439-8

Париж, 1847 год. Анна не замечает признаков приближающейся кровавой революции 1848 года, она только хочет узнать, кто ее настоящие родители, почему ее преследует отвратительный рыжий нищий с изуродованным лицом и отчего ее приемный отец, месть Карл, так страшится детского башмачка, который зловещий бродяга подбросил на порог их дома?.. Россия, наши дни. Полина живет с опостылевшим мужем и чувствует, что ее жизнь съежилась до размеров их квартиры – она почти не выходит из дома и общается с одной-единственной подругой через Интернет. Но после нападения на мужа она решается взять судьбу в свои руки и выйти на работу. Первым же клиентом становится неприятный рыжеволосый Петр с лицом, обезображенным шрамом. Он настаивает на том, чтобы для выполнения его заказа Полина отправилась в Париж...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-111439-8

© Гордина Е., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Часть 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Елена Гордина

Горгульи Нотр-Дама

Все события вымышлены. Любое совпадение случайно.

© Гордина Е., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Часть 1

Париж. 1847 год

– Анни, ты слишком много просишь, – неодобрительно покачала головой мадам Катрин, – ты всего лишь помощница у месье Карла, а он чулочник самого королевского прокурора духовного суда, но и то ведет себя скромнее, – женщина поджала тонкие потрескавшиеся губы, – я понимаю, что ты здесь живешь практически с самого рождения и ему почти что дочь, но я не потерплю такого отношения к работе!

Анни стояла, опустив глаза в пол, ей очень хотелось возразить этой худой пожилой женщине, и она даже знала, что может ей ответить, но продолжала молчать. Когда вернется Карл, она ему все расскажет, ведь он ей почти как родной отец, но если сейчас начать перепираться с его женой, то все, вечернего разговора не состоится. Мадам Катрин его просто уведет в одну из «их» комнат, куда Анни вход строго воспрещен, и продержит там до самого утра. А Анни надо поговорить с Карлом сегодня, потому что завтра будет уже поздно.

– Так ты молчишь? – попыталась спровоцировать падчерицу мадам Катрин. – Явно тебе нечего мне возразить! Тогда будь добра, вернись в лавку и доделай свою работу, потому что месье Карлу будет неприятно, что ты позволяешь себе такое поведение.

– Да, мадам. – Анни наклонила голову и послушно вышла из комнаты.

Она быстро накинула плащ, потому что на улице накрапывал дождь, и выскочила на узкую мощеную улочку, едва не столкнувшись с извозчиком. До площади Сан-Мишель, где находилась лавка месье Карла, она дошла минут за пять, хорошо, что их квартирка располагалась совсем недалеко. В последнее время на улицах Парижа было беспокойно из-за волнений, связанных с обнищанием народа. Неумелое правление кардинала Бурбонского, запретившего какие-либо массовые увеселительные гулянья в связи с «нестабильным» положением, только усилило недовольство народа. Анни поехала, и, хотя еще не стемнело, заворачивая в узкий переулок напротив чулочной Карла, она не заметила и налетела на нищего, сидящего прямо на мостовой.

– Господи Иисусе! – воскликнула Анни, сильно испугавшись. Нищий и правда выглядел страшно: черная от грязи одежда свисала на нем лохмотьями, рыжая борода была вся скатана, а на щеке красовалась огромная и кровоточащая язва. Девушка в ужасе от него отшатнулась.

– Подай мне, красавица! – неожиданно бодрым голосом произнес нищий. – Мне жить осталось совсем недолго, скрась мои последние мгновения, ягодка.

Анни отошла еще на два шага назад и остановилась, в кармане плаща она нащупала пару монет и осторожно, боясь дотронуться до черной руки нищего, протянула их.

– Возьмите! – прошептала она, стараясь не смотреть в лицо прокаженного.

– Ты щедра! – обрадовался мужчина, – за твою доброту, девушка, я могу рассказать тебе то, чего ты до сих пор не знаешь. Я вижу некоторые вещи, которые недоступны простым смертным, хочешь меня о чем-нибудь спросить, красавица?

Анни словно язык проглотила от накатившего на нее ужаса, она не могла вымолвить ни слова. Хотя на самом деле вопросов у нее было очень много: разрешит ей месье Карл выйти замуж за Жана? Стоит ли ей ответить на настойчивые ухаживания Жана и до брака лечь с ним в постель? Как долго продлится союз мадам Катрин и ее Карла, и если это надолго, то стоит ли ей ожидать хоть какое-то наследство после смерти месье?

– Кто мои родители? – Анни неожиданно услышала свой собственный голос и поразилась, ведь она хотела спросить совсем о других вещах, но, видимо, подсознанию лучше знать, что ее волнует больше всего.

– Твоя мать была простой белошвейкой, а вот отец... – Нищий смотрел ей прямо в глаза, и Анни находилась словно под гипнозом. – Не думаю, что ты хочешь знать то, что я тебе сейчас скажу, но раз ты была так добра ко мне и дала милостыню...

Нищий замолчал, Анни от ужаса не могла пошевелиться и продолжала стоять рядом с ним, в двух метрах от чулочной месье Карла, безумно желая только одного, чтобы этот черный мужчина замолчал навсегда. Но нищий тяжело вздохнул и продолжил:

– Тебя подбросили к чужим людям, когда ты была еще совсем малышкой, потому что твоя мать сошла с ума, когда узнала, кто такой твой отец.

– А кто мой отец? – едва разлепив губы, прошептала Анни. Она всю жизнь, сколько себя помнила, хотела узнать именно это. Кто ее настоящие родители? Почему они оставили ее на ступеньках чулочной месье Карла и его жены, теперь уже покойной мадам Марион, почти восемнадцать лет назад? Приемные родители ей сами обо всем рассказали, они и не скрывали, что она им не родная дочь, уж слишком она была на них не похожа. Они не скрывали, как она оказалась у них в семье, но ничего не могли рассказать, почему она там оказалась. Кто же знает, что подвигло ее родную мать бросить годовалую малютку на пороге чужого дома.

– Твой отец... – нищий нехорошо ухмыльнулся, – он... он кровей Бискорне, если тебе о чем-то говорит это имя.

– Я... я... – Анни огромным усилием воли смогла отвести взгляд от его уродливого лица, – я не знаю такого.

– Это и хорошо, малышка, – нищий улыбнулся, и Анни увидела его черные кривые зубы, – потому что Бискорне заключил сделку с самим дьяволом, и теперь все, в чьих жилах течет его кровь, будут обречены на страшную и скорую смерть.

– Господи! – Анни отшатнулась. Теперь она смогла пошевелиться и сразу же отвернулась от прокаженного. – Ты все врешь! – Она кинулась прочь, споткнулась и упала на одно колено. Волна боли захлестнула ее так сильно, что на какое-то мгновение гул в ушах заглушил последние слова нищего, уходящего из переулка.

– Ты обречена, девочка, мне очень жаль...

Анна сморщилась, но смогла встать на ноги. Хромая, она забежала в чулочную к месье Карлу и расплакалась там как ребенок. Ее буквально трясло от страха. Хорошо, что она так и не оглянулась назад, потому что нищий на мгновение остановился и посмотрел ей вслед холодным взглядом. И глаза у него стали белого, почти серебряного цвета и ярко светились среди крошечной темноты, опустившейся на вечерний Париж.

Россия. Наши дни

Полина облокотилась на подоконник, настроение было паршивое. Андрей опять задерживается на работе допоздна, и ей в который уже вечер приходится ужинать в одиночестве. За окном уже стояла крошечная тьма, как обычно и бывает в феврале месяце в этом городе. Конец зимы выдался очень мрачным, ветреным, погода менялась стремительно от нуля градусов до минус двадцати пяти за пару дней, и Полина совсем перестала выходить из дома. С одной стороны, работать фрилансером вроде бы и круто, можно спать сколько угодно и не бежать сломя голову на работу, а с другой стороны, вот в такие затяжные моменты плохой погоды есть шанс совершенно одичать, если неделями не высовывать нос из дома наружу. Андрей – это единственная нить, связывающая ее с реальностью. Не будет Андрея, она совсем разучится разговаривать с живыми людьми.

Вся жизнь Полины проходила в Интернете, именно там она вела онлайн-дневник от имени одной молодой мамочки четверых детей и учила замученных жизнью женщин обходиться без помощи няnek и родственников. Полина, конечно, понимала, что это обман и не очень хорошо выглядит со стороны, но ей платили неплохие деньги, и писала она весело и задорно, народу нравилось. Притом что они с Андреем были убежденными чайлдфри, получалось, чтобы писать правду, Полине необходимо родить самой хотя бы одного ребенка, а это в принципе было невозможным. Еще она параллельно училась работать в современных интернет-программах, которые помогают разрабатывать дизайн-проекты для обывателей среднего уровня, но пока делала это бесплатно.

Полина еще раз взглянула в окно, словно надеялась увидеть с десятого этажа, как ее муж паркует автомобиль возле дома, затем еще раз тяжело вздохнула и подошла к столу. Она задумчиво посмотрела на плиту. В сковороде котлеты, она приготовила их час назад, в кастрюльке картофельное пюре. Если Андрей опять придет ночью, надо все ставить в холодильник. Полина замешкалась. Если сейчас поставить, а муж вдруг вернется, надо будет опять разогревать, а ей было откровенно неохота. Вообще все «женские» дела она выполняла с некой долей раздражения, но раз она работала дома, ей приходилось заниматься хозяйством. Конечно, у Андрея был свой строительный бизнес, и они практически ни в чем не нуждались (в разумных пределах), но домработницу он брать не хотел, потому что был мужчиной старого формата, старше Полины на 10 лет и в свои почти сорок привычки менять не собирался. Он был уверен, что жена должна создавать уют, поэтому Полина сидела дома, развлекалась написанием статей для многодетных мамочек, вела на эту тему блог, выставляя постановочные фото детишек, которые успешно находила во Всемирной паутине, и готовила к приходу мужа еду. Вот только муж стал все чаще и чаще ужинать вне дома. У Полины даже появилась виртуальная подруга, некая Моника, которую она никогда в глаза не видела, да что там, даже не слышала ее голоса, но общаться они общались. Такой друг по переписке, в скайпе, что-то вроде домашнего психоаналитика.

«Муж опять вовремя не пришел домой, – написала она Монике, – не знаю, что и делать».

Полина отошла от ноутбука и часа через два в очередной раз взглянула на сковороду с котлетами, а потом уже решила нарушить обещание, клятвенно данное мужу, а именно НИКОГДА не звонить ему на сотовый, если он задерживается на работе, а только писать сообщения в ватсапе. Андрей не любил оправдываться, а делать это рядом с подчиненными (с его слов) было бы совсем недопустимо.

Полина еще раз тяжело вздохнула, снова подошла к окну и взяла телефон в руки. Дело все было в том, что Андрею она написала в ватсап три раза, но муж уже пару часов как не появлялся в сети. Он сейчас, скорее всего, очень занят, но... этот чертов ужин, как же не хочется разогревать его снова, тем более что Андрей постоянно ворчит, что он не любит пищу, подогретую в микроволновке... Полина решительно нажала на вызов и поднесла телефон к уху.

– Если начнет ворчать, скажу, что плохо себя чувствую и поэтому спрашиваю, когда он вернется. – Полина решила слукавить.

Андрей долго не отвечал на вызов, и уже когда от длинных гудков Полине стало скучно, он взял сотовый.

– Алло! – грубо ответил муж. Полине показалось, что он был немного пьяный или охрипший.

– У тебя что, горло болит? – Она не узнала голос родного мужа и не на шутку встревожилась. Если Андрей сейчас заболеет, то он останется лежать дома. И ей придется целыми днями обслуживать этого зануду, а после семи лет брака их отношения стали не самыми теплыми. Они скорее терпели друг друга, справедливо считая, что у них кризис в семейной жизни, да и коней на переправе менять уже было поздно.

– Это не Андрей, – ответил мужчина, – а вы кто?

Полина опешила, а потом ее сердце глухо сорвалось и упало куда-то вниз, в пятки, она просто поняла, что случилось что-то нехорошее, а возможно, и страшное.

– Где мой муж? – спросила она охрипшим от волнения голосом.

– Я следователь, а вы кто? – переспросил мужчина.

«Следователь», – Полина потеряла дар речи. Она оцепенела и была уверена, что ничего не хочет спрашивать дальше, потому что услышать что-то от «следователя» она сейчас была не готова. Да что же происходит-то, в конце-то концов?!

– Я его жена, – наконец она смогла произнести хотя бы эти три слова.

– Приезжайте немедленно, переулок Светлый, дом 3, подъезд 3, кабинет 18. И возьмите с собой паспорт, здесь пропускная система. Я буду вас ждать.

Полина закончила разговор и посмотрела на свои руки, они ходили ходуном. О том, чтобы ехать до следственного комитета за рулем своего автомобиля, не могло быть и речи. Полина прекрасно знала этот адрес, так как однажды уже была там, но тогда ее вместе с мужем вызывали по делу партнера Андрея как свидетелей, а сейчас?

– Следователь? – Полина металась по комнате, она была в спортивном костюме, поэтому накинула на себя пуховик, обула кроссовки и вызвала такси. «Андрея убили?» – первое, что пришло ей в голову, но потом она подумала, почему ее тогда не пригласили на опознание тела в морг. «Может, потому, что еще идет следствие, и тело необходимо для...» – дальше она размышлять не могла, стало плохо. Полина прошла на кухню и выпила стакан воды залпом. «А быть может, Андрея похитили и теперь...» – но и эта версия запнулась где-то на середине логической цепочки. Если похитили, то почему никто у нее не требует денег?

– Что происходит? – спросила Полина у себя самой и не нашла ответа.

Париж. 1847 год

– Дитя мое, что случилось? – К рыдающей Анни поспешила мадам Летиция – полная женщина, которая занималась непосредственно процессом продаж в чулочной у месье Карла. – Тебя кто-то обидел?

Летиция действительно очень хорошо относилась к падчерице своего хозяина и теперь поспешила подать рыдающей Анни стакан воды.

– Там, – Анни махнула рукой на улицу, – меня встретил очень страшный нищий, он говорил такие ужасные вещи. – Девушка снова разрыдалась.

– Но, милая, – мадам Летиция положила руки себе на живот, – да разве можно разговаривать с незнакомцами в наше-то смутное время? У меня есть родственник, у него друг работает начальником ночной стражи, так вот он рассказывает, что сейчас такие дела в городе творятся, – женщина покачала головой, – что надо держать ухо востро, а ты разговариваешь с незнакомцем, да еще и с нищим!

– Да, мадам. – Анни шмыгала носом. – Я сама виновата, что позволила этому человеку себя напугать, но я хотела сделать доброе дело и подала ему милостыню.

Мадам Летиция театрально вздохнула, как будто пыталась сказать юной девушке: «Ну кто же в наше время ценит добрые дела?» Неизвестно еще, сколько бы продолжался этот разговор, если бы в чулочной не открылась дверь, и месье Карл не ворвался внутрь своей лавки.

– О, дорогая! – воскликнул мужчина, застав Анни в слезах. – Что случилось? Кто тебя обидел?

Анни быстро вытерла слезы и подошла к отцу, так иногда она его про себя называла, а вслух только месье Карлом.

– Месье Карл, меня немного напугал нищий, которого я встретила возле чулочной, но уже все прошло. Летиция мне принесла воды и еще раз напомнила, что девушке в наши дни необходимо быть крайне осторожной на улицах Парижа.

– Да, это верно, – месье Карл задумчиво снял цилиндр и положил его на столик у входа, – в наши дни Париж стал походить на вертеп. Я сейчас проходил возле собора Нотр-Дам-де-Пари, там ведутся какие-то работы, с крыши снимают горгулий и химер, но сам люд, который работает... – месье Карл развел руки в стороны, – это крестьяне, которые мало смыслят в строительном ремесле, и к тому же они постоянно пьяны и очень агрессивны. Надо быть осторожной, Анни, Летиция права...

Анни с любовью посмотрела на отца, она буквально его боготворила, а порой ловила себя на мысли, что ревнует месье Карла к его новой жене Катрин. Быть может, именно поэтому у женщин не сложились отношения с первой минуты, потому что мадам Катрин это почувствовала?

Карл взял со стола стакан с недопитой водой, которую принесла Анни Летиция, и сделал два крупных глотка, его кадык ходил ходуном. Месье Карлу недавно исполнилось 47 лет, он был строен, даже скорее худощав и имел весьма выразительную внешность: гордый профиль и великолепную, почти полностью седую шевелюру, которую он по-щегоольски зачесывал назад. Но даже несмотря на это, месье Карл был уже пожилым человеком, это чувствовалось и в его походке, и в его взглядах на современную жизнь. К примеру, он был категорически против брака Анни и Жана, который учился в Сорбонне на факультете католической теологии и был вполне приличным парнем. Его отец был настоятелем небольшого аббатства Жюмьеж на юге Франции, это то самое восхитительное место, где цветут роскошные лавандовые поля, и Анни искренне мечтала там побывать хотя бы однажды, например когда они поедут знакомиться с родителями Жана. Сама Анни сомневалась, является ли Жан любовью всей ее жизни, но она имела уже солидный возраст, 19 лет от роду, да и в браке всегда живется легче, к тому же родители Жана снимали ему крохотную, но уютную квартиру рядом с Сорбонной, а жить вместе с Карлом и его новой женой Катрин уже становилось совершенно невозможно.

– Месье Карл, – Анни легонько дотронулась до его руки, – позвольте я поговорю с вами наедине?

– Я буду на своем месте, – понимающе кивнула головой Летиция и вышла из комнаты.

– Так о чем пойдет речь, дитя мое? – Месье Карл нахмурился, он был проницательным человеком и уже догадывался, что его девочка сейчас начнет уговаривать его одобрить брак с этим несносным задирой Жаном. Юнец ему совершенно не нравился, он был противен Карлу и своей пышущей молодостью, и роскошным телом, которое облачал в модные одежды, и даже тем, как влюбленно он смотрел на его Анни. Карл гнал от себя эти мысли, он возненавидел Жана с первого взгляда не потому, что юноша был так уж плох, а потому, что он страшно ревновал свою Анни. Но такие мысли были греховными, а месье Карл был набожным католиком, поэтому он предпочитал думать иначе: он не дает разрешения на брак Анни и Жана только потому, что считает Жана плохой партией для своей дочери.

– Кем были мои родители? – совершенно неожиданно и для месье Карла, и даже для себя самой спросила Анни. Сегодня она шла в чулочную только с одной-единственной целью: вымолить у отца разрешение на брак, потому что завтра в Париже будут родители Жана, и он мог бы попросить их благословения, уже заручившись поддержкой Карла. Но после случайной (случайной ли?) встречи с нищим все изменилось, теперь Анни и думать не могла ни о чем другом, кроме его ужасных слов: «Твой отец заключил сделку с самим дьяволом, и теперь все, в чьих жилах течет его кровь, будут обречены».

– Что за вопрос, Анни? – Месье Карл выглядел сильно растерянным, он совершенно не был готов к такому повороту, к тому же они уже много раз обсуждали эту тему. Карл, конечно, кое-что знал о настоящих родителях Анни, так, сплетни соседей, но он не хотел, чтобы это «кое-что» знала его девочка.

– Я же уже говорил тебе, что покойная Марион, земля ей будет пухом, однажды вышла на крыльцо вот этой самой чулочной и увидела тебя, сидевшую в корзинке из-под белья. Ты была неплохо одета для подкидыша, но никаких записок в корзинке не было.

Анни смотрела на отца очень внимательно и по тому, как она застала его врасплох этим вопросом, и по тому, как он стал отвечать, поняла: месье Карл что-то скрывает, и он категорически не желает об этом с ней говорить.

– Так ты утверждаешь, – Анни перевела дух, от неожиданного дурного предчувствия у нее бешено застучало сердце, – что меня оставили прямо на ступеньках в чулочную. Но где же? – Она сделала шаг в сторону двери. – Ступеньки у нас очень узкие, ребенок в корзинке не сможет на них удержаться, я бы обязательно упала.

– Ну, не на ступеньках, – месье Карл был сбит с толку ее вопросами, – чуть дальше, на мощеной мостовой.

– Слева от входа или справа? – не унималась Анни.

– Справа, – месье Карл посмотрел на Анни со все возрастающей тревогой, – да что с тобой, милая? К чему такие глупые вопросы?

– Значит, справа, – Анни машинально поправила роскошные белокурые волосы, уложенные в незамысловатую прическу, – это совпадение, месье Карл, но именно там сегодня я встретила нищего, который мне кое-что сказал.

– Что он тебе сказал? – Месье Карл побледнел, он не мог скрыть свое волнение и, чтобы Анни не заметила его дрожащие руки, полез в карман своего плаща, достал папиросу и закурил. Он так некстати вспомнил, что почти сразу после того, как его прекрасная Марион нашла чудную девочку в корзинке для белья перед чулочной, он встретил на улице нищего, который так напугал его своим безумным взглядом. Даже сейчас, спустя восемнадцать лет, Карл хорошо помнил тот поздний вечер, когда он спешил домой к молодой жене и младенцу, которого его любимая жена уговорила оставить в семье, он так торопился, что едва не сбил с ног странного мужчину. Судя по непотребному запаху и рваной одежде, это был обычный нищий, которыми буквально кишел Париж в те годы.

– Посторонись, любезный! – месье Карл брезгливо отодвинулся от смердящего прохожего. – Я спешу домой.

Карл уже почти обогнал его, как услышал за своей спиной странный скрежет, который лишь очень отдаленно напоминал смех живого существа. Карл помнил, как тогда ужас пополз по его спине, как он обернулся и увидел, что нищий смеется, мужчина вытянул вперед одну руку, рваная одежда свисала с него лохмотьями, а он продолжал смеяться и что-то протягивал перепуганному Карлу.

– Теперь это твое! – нищий, слава богу, перестал издавать эти скребущие звуки и сделал шаг навстречу ошолобевшему Карлу, – теперь это твое, – повторил прохожий и протянул ему детский башмачок, очень похожий на те, в которые была обута найденная ими девочка.

Карл в ужасе отшатнулся, в панике он никак не мог вспомнить, в обоих ли башмачках был найденный Марион младенец, и если одного не хватало, то значит ли это, что девочка – дочь этого ужасного нищего? Или он просто украл у кого-то малютку?

– Поди прочь, – пробормотал Карл, пятясь почти так же, как сегодня Анни, к чулочной.

Нищий снова рассмеялся своим жутким смехом и швырнул башмачок на грязную мостовую:

– Как будет угодно, месье! Теперь это все твое! – произнес прокаженный, а когда Карл бросил на него взгляд, полный ужаса, ему показалось, что у нищего, как у кошки в темноте, светятся глаза, правда, в отличие от кошачьих, они сияли жутким серебряным цветом.

Карл повернулся и бросился бежать, он спрятался в своей лавке и закрыл двери на все замки. Он никому и никогда не рассказывал об этой встрече и сам сумел убедить себя в том,

что это была всего лишь игра его воображения, так как в тот момент он был сбит с толку и находился под впечатлением от появления в его доме крохотного подкидыша.

– Что он тебе сказал? – повторил свой вопрос месье Карл, докуривая папиросу.

– Он сказал, – Анни замялась, она никак не могла справиться с волнением, но затем набрала в грудь побольше воздуха и решилась, – он мне сказал, что мой отец проклят дьяволом и я проклята...

– Какая чушь, – пробормотал пораженный до глубины души месье Карл, – это все чушь, сейчас полно сумасшедших, Париж буквально наводнили крысы и умалишенные.

– Хорошо, – пробормотала Анни, – я пойду к Летиции, ей надо помочь, мадам Катрин была сегодня недовольна моей работой.

– Да, да, – рассеянно пробормотал месье Карл, – иди, детка.

Когда Анни ушла в другую комнату, Карл подошел к двери и приоткрыл ее. Даже несмотря на дождь и темноту ночи, в тусклом свете фонаря он сумел разглядеть крохотный детский ботиночек, валяющийся на мостовой.

– Господи Иисусе! – пробормотал Карл, громко захлопывая двери. Тогда, восемнадцать лет назад, он вот так же, но, правда, уже на следующее утро после встречи, искал брошенный нищим башмачок на мостовой и не нашел его...

– Зато я нашел его сейчас, – пробормотал месье Карл, в ужасе сжав виски. Он, взрослый и бесстрашный мужчина, который видел многое, сейчас был напуган как безусый мальчишка. Марион тогда сказала, что на подкидыше был всего лишь один башмачок и что этот прокляженный случайно нашел на мостовой второй, но Карл и тогда чувствовал, что все не так просто, а сейчас понял это. У них с Марион не получилось родить своих детей, и Анни стала их единственной дочерью, а потом его любимая жена и вовсе умерла. И все это как-то связано с появлением в их доме Анни и с этим жутким бродягой, который уже дважды появлялся в его жизни. Или он просто придумал себе черт-те что, не имеющее ничего общего с реальностью?

Россия. Наши дни

В следственном комитете Полине достаточно долго задавали идиотские вопросы и почти ничего не рассказывали про Андрея, и лишь когда она сорвалась на безобразную истерику, следователь Иван Васильевич Романов стал с ней более откровенным.

– Вашего мужа нашли на стройке его рабочие, они пришли на объект после ужина, увидели, что его машина припаркована у коттеджа, и зашли внутрь. Как утверждает бригада, они все были вместе в столовой, а потом так же, всем составом, вернулись на объект. В одной из недостроенных комнат они обнаружили Андрея Викторовича без сознания и вызвали бригаду «Скорой помощи». Врачи определили, что у вашего мужа черепно-мозговая травма. Сейчас он находится в Первой городской больнице в реанимации.

Как бы Полина ни была напугана и расстроена, она сообразила, что, раз этим делом занимается сам следственный комитет, значит, есть подозреваемые в нападении на Андрея, и это не несчастный случай из разряда «оступился и упал». Ну хотя бы муж пока живой, и его никто не похищал.

– На моего мужа было совершено нападение? – спросила Полина, из последних сил стараясь держать себя в руках.

– Да. – Иван Романов как-то замялся. Следователь не понравился Полине с первого взгляда: мужчина около сорока лет, лысенький, с пузиком, неприятно свисающим на брюки, с черненькими бегающими глазками, он казался каким-то скользким типом.

– На голове у вашего супруга мы обнаружили следы от удара тяжелым предметом, поэтому нападение было совершено точно. Но вот каким предметом его ударили и кто это сделал, мы пока не знаем. Поэтому я вас и спрашивал, есть ли у вашего мужа враги и кого вы

могли бы назвать в качестве подозреваемого. Может, он вам рассказывал о неприятностях на работе? Может, какие-то финансовые проблемы? Деньги в долг брали или давали?

Полина отрицательно покачала головой:

– У нас все было как всегда, ничего такого Андрей мне не рассказывал, да он и не особенно болтливый.

– Жаль, – Иван Романов действительно расстроился, и это было видно невооруженным взглядом, – ну тогда это будет долгое дело, его рабочие тоже говорят, что все шло как обычно. Короче, надолго это. – Следователь махнул рукой. – Ну, идите домой, чего уж сейчас...

– Как домой? – Полина едва сдержалась, чтобы не огреть этого пузатика стулом. – И это все? А как же мой муж?

– Ваш муж в реанимации, – раздраженно ответил Иван, – подозреваемых у нас нет, его не ограбили, все было при нем, и дорожный сотовый, и портмоне, полное денег. Поэтому зацепок пока тоже нет, не ясны и мотивы преступления, езжайте в Первую городскую больницу, только вас к нему все равно не пустят.

Полина молча встала и пошла к двери, потом все-таки повернулась и посмотрела на следователя:

– А вообще, есть хотя бы шанс, что найдут виновного?

Иван ухмыльнулся:

– А как же.

Полина вышла в коридор и закрыла за собой двери. Она направилась к выходу, состояние шока стало понемногу отпускать, а на его место пришла паника.

– Что делать? – Полина выскочила из следственного комитета и начала метаться по вечерней улице. Она никак не могла решить, куда ей в первую очередь надо поехать: домой, чтобы переодеться, поесть и выпить успокоительного, или сразу в больницу к мужу, чтобы поговорить с врачами. Полина, немного поколебавшись, все-таки решила сразу ехать к Андрею, она вызвала такси и теперь замерзала на улице, тонкие брюки от спортивного костюма продувались насквозь.

В больнице Полина первым делом кинулась в приемный покой, но время уже было позднее, и с ней там даже не стали разговаривать. Когда она спросила про Андрея, дежурный врач куда-то при ней позвонил и сухо ответила, что состояние стабильно тяжелое и без изменений.

– Идите домой. – Дежурный врач смотрела сквозь Полину, в ее голосе сочувствия было ноль целых ноль десятых. – Если он умрет, вам позвонят, если не умрет, завтра сами позвоните и узнаете о его состоянии. Пока ваш муж находится в реанимации, вам к нему заходить запрещено.

– Но... – попыталась возразить Полина и поняла, что это бесполезно, никому она здесь ночью не нужна, и никто с ней сюсюкаться не собирается. Это только в «Докторе Хаусе», Полина любила этот сериал, испуганным родственникам приносили воду, успокоительные капли и добрые дяденьки и тетеньки врачи сидели с ними, пытались привести их в чувство. В реальной жизни всем на всех начихать.

Полина втянула голову в плечи и, стараясь заглушить «дружелюбные» слова дежурного врача «если он умрет, мы вам позвоним», поехала домой. Этот вечер ей казался бесконечным, вроде бы совсем недавно она стояла возле плиты и переживала, что придется снова разогревать котлеты мужу, и вот уже и следователь, и реанимация, и еще неизвестно, что ее ждет впереди.

Она вернулась домой, скинула одежду и сразу же пошла в душ. Сделала воду практически невыносимо горячей, но ее все равно продолжало трясти от холода.

«А на что я буду жить? – подумала Полина, пытаюсь согреться под струями горячей воды. – Я даже не знаю, есть ли у нас какие-то накопления или нет. Я не знаю ПИН-код от карточки мужа, я...»

– Я вообще живу очень безответственно, – произнесла Полина вслух и вышла из душа, закутавшись в большой махровый халат. В комнате она села в кресло и задумалась: а ведь действительно, случись что с Андреем, ее зарплаты фрилансера хватит только на коммунальные услуги и два килограмма картошки в месяц. Общих накопительных счетов у них не было, квартира принадлежит Андрею, умри он сейчас, она останется на улице без гроша в кармане. У Андрея была жива мать, с которой Полина не общалась, и еще две сестры, а это значит, что квартира мужа отойдет им.

Полина закрыла лицо руками. Ну как, как можно было быть такой глупой? Ей почему-то и в голову не приходило, что с Андреем могло что-то случиться, он же молодой и здоровый мужчина и вот такое...

Она дотянулась до дивана, стоявшего рядом, и взяла с него плед, в который закуталась и задремала в кресле. Проснулась она оттого, что надрывно звонил ее сотовый телефон.

– Полина Васильева? – Чужой, холодный голос. – Это вам звонят из Первой городской больницы. Ваш муж...

Париж. 1847 год

Анни закончила свою работу. Месье Карл ее дождался и предложил идти домой вместе, чему она была несказанно рада. Перспектива еще одной встречи с этим полоумным бродягой ее очень пугала. Когда они вышли из чулочной, дождь уже прекратился, и Париж погрузился в кромешную тьму, едва разбавленную светом тусклых фонарей. Анни шла рука об руку с месье Карлом и то и дело оглядывалась, ей казалось, что она слышит за собой шаги прокаженного.

Когда они проходили мимо того самого места, где до сих пор еще лежал детский башмачок, месье Карл сделал вид, что его не заметил, и только лишь ускорил шаг, увлекая за собой Анни.

– Месье Карл, – Анни не могла ни о чем другом и думать, они шли по площади Сан-Мишель и уже почти подошли к дому, когда она наконец решилась спросить еще раз, – мне кажется этот нищий что-то знает про меня, у него были такие глаза, – девушка запнулась, – я...

Услышав про глаза бродяги, месье Карл непроизвольно вздрогнул, и Анни это заметила.

– Вам нездоровится? – Она остановилась и заглянула ему в глаза. – Вы дрожите.

Карл посмотрел на свою девочку, он всегда считал ее своей дочкой. Сколько раз, когда она была еще совсем маленькой, играя, она засыпала у него на руках. А вот сейчас перед ним стоит красивая девушка с белокурыми волосами, и, что странно, он понял, что Анни не его родная дочь, только когда появился Жан. Словно этот прощелыга-студент пробудил его ото сна, в котором он благополучно пребывал восемнадцать лет. Вот и сейчас, чем дольше он смотрел на встревоженную Анни, тем сильнее ему хотелось ее поцеловать.

«Что за дурные мысли», – обругал себя Карл, а вслух поспешил успокоить Анни:

– Все хорошо, моя дорогая, просто я немного замерз, сегодня сыро. Так что ты там говорила про его глаза?

Они не спеша пошли дальше, но вместо того, чтобы повернуть домой, пошли по набережной Турнель.

– Смотри! – Месье Карл решил хоть ненадолго сменить тему. – Скоро собор будет выглядеть вполне себе прилично.

Они остановились напротив собора Нотр-Дам-де-Пари. В последние годы, благодаря произведению великого Гюго, интерес к храму снова возродился. Сейчас строительными лесами был украшен весь фасад собора, а на его крышу устанавливали фигуры устрашающих химер и горгулий. Внутри же храм почти не изменился, Карл часто заходил туда, чтобы очистить свою душу от греховных побуждений.

Но Анни даже не посмотрела в сторону величественного храма, она была полностью погружена в свои мысли и выглядела очень расстроенной.

– Месье Карл, – снова начала Анни, – мне кажется, простите, если я вас оскорблю своими подозрениями, что вы знаете несколько больше, чем мне говорите про нищего. Вы что-то скрываете от меня? Вы знаете, кто мой настоящий отец?

У Карла от напряжения жутко разболелась голова, он едва не закричал зубами, так невыносимо больно отозвались слова Анни в его сердце и душе. Что он мог сказать этой девушке? Что, кроме той неприятной встречи с нищим восемнадцать лет назад, он больше ничего не может сказать. Что кто она такая и откуда появилась, так никто и не знает, но подруга его покойной Марион, мадемуазель Кати, как-то случайно обмолвилась, что мать Анни, после того как подбросила девочку к ним, покончила с собой. Прыгнула с моста в Сену, и ее тело так и не нашли. А быть может, это была и не мать Анни, а совсем другая женщина, кто теперь разберет, в любом случае эта тема для Карла была крайне неприятна, и он не хотел ее обсуждать.

– Я ничего не знаю, Анни, – ответил Карл несколько грубее, чем собирался, – все это бред, я тебе уже говорил, забудь, нам пора домой.

– Хорошо, – покорно согласилась Анни, но Карл видел, что девушка не успокоилась и продолжала думать о своем.

Дома их уже ждала обеспокоенная мадам Катрин, она встретила их у самой двери.

– Месье Карл! – воскликнула она с радостью, и Анни сморщилась. Она видела, как мачеха искренне обрадовалась, увидев, что ее муж вернулся домой живой и невредимый. Девушку это сильно задело, она ощутила укол ревности и быстро ушла к себе в комнату.

– Месье Карл! – снова воскликнула мадам Катрин. – Я волновалась и уже трижды подогревала вам ужин. Где вы были?

– Не сейчас, Катрин, отстань. – Карл быстро ушел в одну из «их» комнат и закрыл за собой дверь.

Анни слышала, что мачеха еще немного возмущалась для приличия, а потом ушла на кухню и загремела там посудой.

Мадам Катрин была всем известной сплетницей. Это благодаря ей Анни узнала, что Софи, дочь начальника ночной стражи, ждет ребенка от бедного писаря, и при этом они даже не были обвенчаны. Она рассказала Анни, что начальник дома слепых в Париже имеет еще одно доходное место, а именно он владеет одним из многочисленных борделей на улице красных фонарей. Мадам Катрин знала все и обо всех, и Анни подумала, неужели она не пыталась что-нибудь выведать о падчерице своего мужа? Да быть такого не может!

Поэтому Анни собралась с духом и пошла на кухню к мачехе, чтобы помочь ей с ужином и заодно выяснить все о своих родителях. Вдруг эта сплетница что-то да и накопила?

Мадам Катрин в это время готовила рисовый суп, к нему прилагался хороший кусок сала, который она всегда покупала у своего родственника, который держал небольшой скотный двор прямо на окраине Парижа. Женщина, видимо, была сильно обижена поведением месье Карла, потому что вымещала свою злость на копченном сале, яростно кромсая его огромным кухонным ножом.

– Позвольте мне помочь вам. – Анни осторожно сделала шаг в сторону мачехи и остановилась, ей пришлось в голову, что женщина сейчас отложит сало и бросится на нее.

– Чем же? – Мадам Катрин подняла на нее бледное лицо. Она и раньше-то никогда не отличалась особой красотой: слишком худая, даже высохшая для своих 45 лет, невзрачные волосы всегда убраны в мышиный хвостик, серое лицо, но сейчас еще и огромные черные круги залегли у нее под глазами.

– Вы заболели? – ахнула Анни. Видимо, они с месье Карлом были настолько поглощены своими мыслями, что не заметили состояние женщины, когда вернулись домой.

– Мне действительно что-то нездоровится, – мачеха машинально потерла лоб рукой, – довари за меня суп, а я пойду к месье Карлу и прилягу.

Анни осталась одна на кухне, немного разочарованная оттого, что ей ничего не удалось разузнать о своих родителях, и сильно обеспокоенная состоянием здоровья мадам Катрин. Еще не хватало, чтобы мачеха заболела. Тогда на ее лечение уйдут все последние деньги, которых и так у них в семье осталось не так много. Чулочная приносила стабильный, но небольшой доход. Но даже больше, чем мысль о возможных предстоящих финансовых тратах, Анни пугал шанс заразиться от мадам Катрин, уж больно нехорошо та сейчас выглядела. Девушка доварила суп, а затем пошла в комнату писать месье Карлу прощальную записку. Она только что приняла решение его послушаться и намеревалась завтра же отправиться с Жаном и его родителями к ним в аббатство в качестве его законной невесты. Анни понимала, что сейчас уехать из Парижа на юг Франции в Жюмьеж было бы самым правильным решением, подальше от этого странного нищего, ставшего причиной ее волнений, да и подальше от самого месье Карла; Анни чувствовала, что между ними происходит что-то нехорошее, что ее и пугало, и тянуло к нему одновременно, но это необходимо было прекратить. А сейчас еще и болезнь Катрин. Анни меньше всего на свете хотела бы ухаживать за мачехой, если та все-таки сляжет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.